

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.76.95>

О «СЕТЧАТОЙ» КЕРАМИКЕ В ПАМЯТНИКАХ ПОЗДНЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПООЧЬЯ И МЕЩЕРЫ

© 2026 г. Е.С. Азаров

Статья посвящена керамике с «сетчатыми» («текстильными») отпечатками, обнаруженной в памятниках поздняковской культуры западного ареала. Рассматриваются комплексы, объединяющие предположительно синхронные погребальные и поселенческие памятники первой половины II тыс. до н.э. в обозначенном регионе: могильник Фёфелов Бор – поселение Логинов Хутор, Коренецкий могильник – поселение Коренец II, Шагарский II могильник – поселение Шагара I, а также поселение и могильник Щербинино. Приводятся контекст обнаружения, характеристика, систематизация и статистическое распределение «сетчатых» отпечатков по памятникам. Установлено, что керамика с «сетчатыми» отпечатками (преимущественно «рябчатыми», узких пропорций – подтип P1) органично присутствует в памятниках поздняковской культуры с самого раннего этапа, составляя с ней культурную целостность. Выявлены территориальные закономерности: доля такой керамики в комплексах возрастает к северу (от 5% на Оке до 12% в Озёрной Мещере); на Средней Оке фиксируется ощутимая доля «ниточных» отпечатков (14%), а в наиболее северных памятниках (Щербинино) преобладает иной подтип «рябчатых» отпечатков (P3), отражающий, вероятно, более сильное влияние культур с «сетчатой» керамикой Верхнего Поволжья.

Ключевые слова: археология, поздняковская культура; «сетчатая» керамика; «текстильная» керамика; поздний бронзовый век; Среднее Поочье; Мещерская низменность.

ON RETICULATED WARE IN THE SITES OF THE POZDNYAKOVO CULTURE IN THE MIDDLE OKA REGION AND MESCHCHERA LOWLANDS

E.S. Azarov

The article deals with ceramics bearing “reticulated” (“textile”) impressions discovered in the Pozdnyakovo culture sites of the western area. The paper examines complexes that combine presumably synchronous burial and settlement sites of the first half of the II millennium BC in mentioned region: the Fyofelov Bor burial ground - Loginov Khutor settlement; the Korenets burial ground - Korenets II settlement; the Shagara II burial ground - Shagara I settlement; as well as the Shcherbinino settlement and burial ground. The context of discovery, characteristics, systematization, and statistical distribution of “reticulated” impressions across the sites are presented. It has been established that ceramics with “reticulated” impressions (predominantly “speckled”, of narrow proportions — subtype P1) are organically present in the Pozdnyakovo culture sites from the earliest stage, forming a cultural unity with it. Territorial patterns have been identified: the proportion of such ceramics in the assemblages increases towards the north (from 5 % on the Oka River to 12 % in the Lake Meshchera region). In the Middle Oka region, a notable proportion of “thread” impressions is recorded (14 %), while in the northernmost sites (Shcherbinino), a different subtype of “speckled” impressions (P3) predominates, likely reflecting stronger impact from cultures with “reticulated” ware of the Upper Volga region.

Keywords: archaeology, Pozdnyakovo culture, “reticulated” ware, “textile” ceramics, Late Bronze Age, Middle Oka region, Meshchera Lowlands.

Поздний бронзовый век юга лесной полосы Волго-Окского междуречья в историографии традиционно связывается с двумя типами древностей – памятниками поздняковской культуры (ПК) и сетчатой (текстильной) керамики (КТК). Одним из проблемных вопросов в исследовании этого периода является разграничение и соотношение этих культурных

явлений. Для территории Среднего Поочья и прилегающей Мещерской низменности в историографии общая парадигма сосуществования этих древностей обычно определяется тем, что последние постепенно сменили первые. Данный процесс отражал либо растворение особенностей ПК к концу бронзового века в складывающейся местной синкретиче-

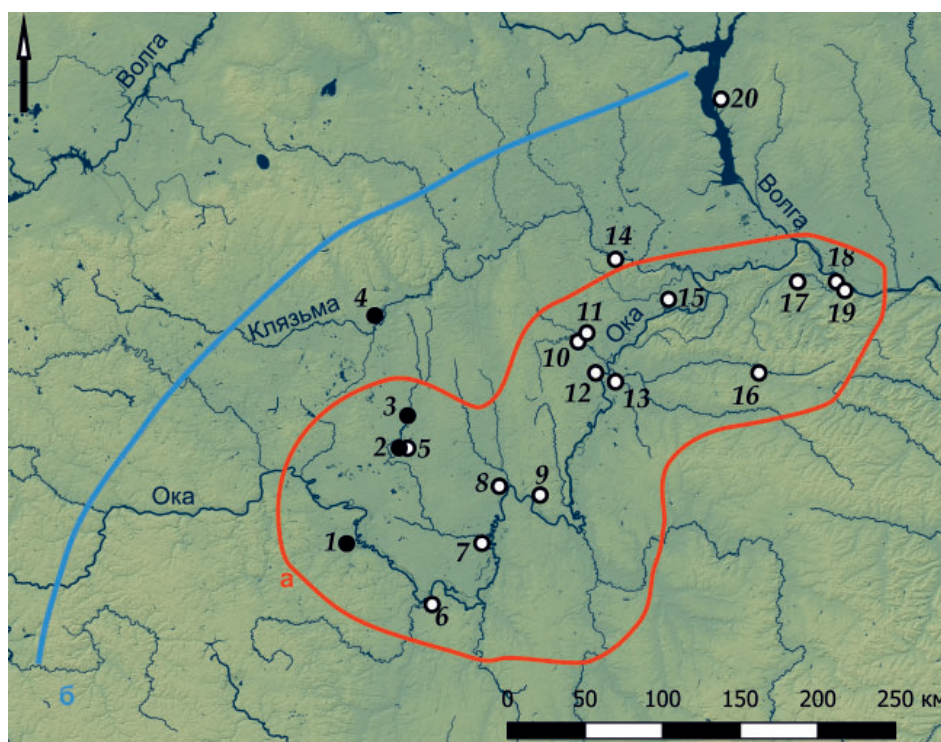

Рис. 1. Карта основного ареала поздняковской культуры с упомянутыми в статье археологическими памятниками: а – условная зона максимальной концентрации памятников ПК; б – условная граница, за которой памятники ПК почти неизвестны; 1 – «Канищевские дюны» (г.м. Фёфелов Бор, пос. Логинов Хутор); 2 – «Шагара» (г.м. Шагарский II, пос. Шагара I); «Коренец» - (к.м. Коренецкий, пос. Коренец II); 4 – пос. и г.м. Щербинино; 5 – пос. Нармус; 6 – пос. Засеченское III; 7 – г.м. Берёзовый рог; 8 – пос. Ибердус 2; 9 – пос. Подборновское; 10 – к.м. Битюковский; 11 – к.м. Борисоглебский; 12 – пос. Дмитровская Слобода II; 13 – к.м. Мало-Окуловский; 14 – пос. Липки; 15 – пос. Щёлково 1; 16 – пос. Наумовка 1; 17 – пос. Новая Деревня 1; 18 – пос. Безводное 1; 19 – пос. Шава 1; 20 – пос. Сокольское 2.

Fig. 1. Map of the main distribution area of the Pozdnyakovo culture, showing archaeological sites mentioned in the article: a – conventional zone of maximum concentration of the Pozdnyakovo culture sites; b – conventional boundary beyond which Pozdnyakovo culture sites are almost unknown; 1 – “Kanishchevskie Dyuny” (Fyofelov Bor burial ground without mounds, Loginov Khutor settlement); 2 – “Shagara” (Shagara II burial ground without mounds, Shagara I settlement); 3 – “Korenets” (Korenets barrow field, Korenets II settlement); 4 – Shcherbinino settlement and burial ground without mounds; 5 – Narmus settlement; 6 – Zasechenskoe III settlement; 7 – Beryozovy Rog burial ground without mounds; 8 – Iberdus 2 settlement; 9 – Podbornovskoye settlement; 10 – Bityukovsky barrow field; 11 – Borisoglebsky barrow field; 12 – Dmitrovskaya Sloboda II settlement; 13 – Malo-Okulovsky barrow field; 14 – Lipki settlement; 15 – Shchyolkovo 1 settlement; 16 – Naumovka 1 settlement; 17 – Novaya Derevnya 1 settlement; 18 – Bezzvodnoye 1 settlement; 19 – Shava 1 settlement; 20 – Sokolskoye 2 settlement.

ской культуре поселений с текстильной керамикой (Бадер, 1970, с. 63), либо смену населения в регионе с частичной ассимиляцией носителями сетчатой керамики, пришедшими с севера (Третьяков, 1975, с. 28–30; Попова, 1985, с. 185). Вместе с тем отмечается, что сетчатая керамика в Среднем Поочье в незначительном количестве известна уже в самых ранних памятниках поздняковской культуры (Попова, 1985, с. 181) или, возможно, непосредственно предшествующих им (Фоломеев, 2017, с. 328). Сам факт обнаружения такой керамики в поселениях ПК интерпретировал-

ся по-разному: как результат поздних стратиграфических нарушений культурного слоя; как свидетельство частичного проникновения с севера носителей сетчатой керамики; либо же как результат культурного воздействия, в результате которого носители ПК научились изготавливать сетчатую керамику (Третьяков, 1975, с. 28; Попова, 1985, с. 181).

Очевидно, что при рассмотрении вопроса о месте керамики с сетчатыми отпечатками в памятниках поздняковской культуры ключевой является проблема определения единовременности комплекса. Подавляющая часть

поселенческих археологических памятников позднего бронзового века Мещеры и Среднего Поочья характеризуется нечёткой стратиграфией, часто сопровождающейся «мешанным» одновременным культурным слоем. Случаи обнаружения сетчатой керамики в «открытых» комплексах поселений ПК (заполнений построек, хозяйственных объектов) известны. Погребальные памятники этого периода представлены главным образом грунтовыми и курганными могильниками поздняяковской культуры. Могильники, непосредственно связанные с носителями сетчатой керамики, за исключением грунтового могильника Дикариха в Ярославском Поволжье, в чистом и однозначном виде практически неизвестны (Азаров, 2014). Последнее характерно для всей территории распространения сетчатой керамики в Восточной Европе, от Скандинавии до Средней Волги. Тем не менее случаи «закрытых» комплексов, в нашем случае погребений, где бы была встречена сетчатая керамика, на территории Среднего Поочья и Мещеры известны. Помимо погребального инвентаря к категории условно «закрытых» комплексов следует отнести случаи обнаружения сетчатой керамики в насыпи курганов ПК и под ними, а также непосредственно у грунтовых погребений, очевидно обусловленные погребальной практикой.

Для некоторого нивелирования указанных выше проблем в выявлении четкого контекста сетчатой керамики в памятниках поздняяковской культуры Среднего Поочья и Мещеры материал рассматривается в связках-комплексах «могильник – поселение» условно первой половины II тыс. до н. э.: грунтовый могильник Фёфелов Бор и поселение Логинов Хутор, Коренецкий курганный могильник и поселение Коренец II, Шагарский II грунтовый могильник и поселение Шагара I, поселение и грунтовый могильник Щербинино (рис. 1). Очевидные случаи присутствия более поздней сетчатой керамики 2-й половины II тыс. до н. э. и начала I тыс. до н. э., известные по более или менее выраженным памятникам этого периода региона (Фоломеев, 1974; 1975; 1988; Сыроватко, 2013; Азаров, 2013; 2017), из выборки были исключены.

Памятники и контекст обнаружения

Грунтовый могильник Фёфелов Бор и поселение Логинов Хутор («Канищевские дюны»). Памятники расположены на двух одноимен-

ных песчаных всхолмлениях («дюнах»), иногда именуемых в литературе «Канищевские дюны», примерно в 1,5 км друг от друга, в пойме правого берега Оки, к северо-востоку от северной границы г. Рязани. Оба памятника были открыты В.А. Городцовым в начале XX века и исследовались археологическими экспедициями ГИМ под руководством Т.Б. Поповой (1968–1974 и 1979 гг.) при участии Б.А. Фоломеева (1967–1969 гг.).

Грунтовый могильник Фёфелов Бор (Канищево, Фёфелов бугор) был достаточно полно исследован на площади около 1500 кв. м, выявлены 74 могильные ямы, впущенные частично в культурный слой стоянки Фёфеловской-Придорожной (Канищево, поселение 2; стоянка Фёфелов Бор II) периода неолита (Попова, 1988). Хронологически могильник, вероятно, существовал продолжительное время. Часть погребений¹ относится к шагарской (примокшанской) культуре конца III тыс. до н. э. Остальная, большая часть относится, вероятно, к раннему периоду сложения поздняяковской культуры, включает погребальный инвентарь, преимущественно сосуды, которые имеют аналогии в ранней срубной (покровской) культуре и собственно поздняяковской, часто довольно уникального «архаичного» облика (Попова, 1988, с. 136; Азаров, 2014, с. 362). В восточной группе погребений, по мнению Т.Б. Поповой, самой ранней среди поздняяковских, в погребении № 65 были обнаружены два крупных вытянутых сосуда, один из которых имел многорядную сложную орнаментацию по раструбной шейке и плечикам. Ниже плечиков и орнаментальной зоны этого сосуда с реконструированным яйцевидным дном расположены сетчатые рябчатые отпечатки (рис. 5: 1)².

Поселение Логинов Хутор (Канищево, поселение 3; Логиновская-Приозерная стоянка) исследовано на площади в 356 кв. м, где были выявлены две углубленные прямоугольной формы постройки неустановленного назначения площадью 65,7 и 50 кв. м, а также одно погребение, предположительно кремация в могильной яме (Попова, 1974). По опубликованным данным, всего было обнаружено свыше 8 тысяч фрагментов керамики, но на хранение в музей поступило лишь около 2,5 тысячи фрагментов и отдельные полные формы сосудов³. Основной керамический комплекс был отнесен к раннему пери-

Рис. 2. Тип «рябчатый», подтип P1: 1-5 – керамика поселения Логинов Хутор; 6-8 – керамика поселения Коренец II.

Fig. 2. "Speckled" type, subtype P1: 1-5 – ceramics from the Loginov Khutor settlement; 6-8 – ceramics from the Korenets II settlement.

оду поздняковской культуры (Попова, 1974, с. 228–230), возможно к периоду её сложения (Фоломеев, 2017, с. 328). Проведенное позднее исследование основного комплекса керамики в рамках историко-культурного подхода выявило культурную неоднородность обитателей поселения и наличие трёх групп гончарных традиций: условно «местной», условно «пришлой» и результат смешения этих двух групп (Швецова, Азаров, 2022). Время существования поселения, с учётом довольно ранних черт, было определено первой четвертью II тыс. до н. э., что в целом близко и ко времени грунтового могильника Фёфелов Бор.

Сетчатая керамика представлена в количестве всего 3–5% (рис. 2: 1–5; 5: 2–5; 6: 1–2,

5)⁴ от общего количества и относится главным образом к первой группе гончарных традиций. Встречены как отдельные фрагменты сосудов, преимущественно с рябчатыми отпечатками и редкими «ниточными», так и целый сосуд с округлым дном, орнаментированный по раструбной шейке и плечикам горизонтальными линиями зубчатого штампа, с «ниточными» отпечатками поверхности ниже орнаментальной зоны до дна (рис. 6: 5). Сосуд был обнаружен на дне постройки № 1, остальные фрагменты сетчатой керамики были обнаружены как в заполнении постройки, так и в культурном слое.

Коренецкий курганный могильник и поселение Коренец II («Коренец»). Памятники расположены на территории муниципального окру-

га Шатура Московской области на песчаном мысовом возвышении юго-западного берега проточного озера Святое, на правом берегу у выхода из озера русла р. Пры. Памятники были открыты О.Н. Бадером в 1927 г., дальнейшие археологические исследования также были произведены экспедициями Исторического музея. Курганный могильник раскапывался в 1951 г. И.К. Цветковой, в 1952 г. И.В. Яценко и в 1961 г. Т.Б. Поповой. Всего было исследовано 10 насыпей из 13 обнаруженных⁵. Поселение исследовалось двумя небольшими раскопами в 1951 г. И.К. Цветковой и в 1961 г. Т.Б. Поповой⁶. По мнению последней, памятники представляют собой связанный единовременный комплекс (Попова, 1965).

Курганный могильник представлял собой насыпи округлой или чаще овальной формы от 0,7–0,8 м до 1,3 м высотой и от 8 до 22 м в диаметре. В курганном могильнике керамика с сетчатыми отпечатками обнаружена в виде отдельных фрагментов в курганах № 7 и 10 только в насыпях, в курганах № 4 и № 6, в том числе и под насыпью, связанных с погребальными объектами. Практически вся имеющаяся сетчатая керамика происходит из раскопок в 1961 г. и составляет 21% от общего количества в коллекции этого года раскопок (всего 152 фрагмента из 733 фрагментов, включая сосуды) (рис. 3: 3–6; 5: 9)⁷.

Объекты в курганном могильнике (погребения и иные возможные погребально-поминальные объекты), за исключением кургана № 4, очевидно, располагались на уровне дневной поверхности или же в песчаных подсыпках. Нередко они маркировались различными пятнами песка (чаще бурыми или золистоглистыми) или же обозначались находками предметов из камня и сосудами из глины из возможного погребального инвентаря, характерно расположенных⁸ (Попова, 1965, рис. 2). Костных останков не сохранилось, что свойственно для имеющихся топографических условий в лесной зоне. Очевидных нарушений в стратиграфии курганов выявлено не было, за исключением позднего «современного» перекопа в кургане № 6. Под насыпью этого кургана фрагменты от возможного развала сосуда с сетчатыми отпечатками (№ 15) располагались в одной структуре с сосудами № 13–14 и 16 в северо-западном секторе. Небольшое скопление керамики или возможный развал приурочены к золисто-углистоу пятну (№ 10) в

северо-восточном секторе и ещё один (рис. 3: 3–5) – к углистоу пятну (№ 11) в том же секторе. Все указанные возможные развалы в большинстве случаев крайне плохой сохранности и какой-либо реконструкции поддаются трудно – по этой причине учтены по фрагментам. В кургане № 4 в золистоу пятне был обнаружен небольшой баночный сосуд (№ 5) с сетчатыми отпечатками, орнаментированный полосой «жемчужин» (рис. 5: 9) (Попова, 1965, рис. 6). Следует также упомянуть ещё один сосуд в виде глубокой миски с отогнутой щечкой и плоским дном, орнаментированный двумя линиями округлых ямок по плечикам, со специфическими крупными «отпечатками» на поверхности ниже орнаментальной зоны (рис. 3: 6), который, судя по инвентарной описи в музее, происходит из кургана № 9 раскопок И.В. Яценко в 1952 г.

Поселение Коренец II было изучено на площади в 88 кв. м, на нем были зафиксированы остатки от объекта, интерпретированного как очаг. Памятник расположен примерно в 150 м к юго-юго-востоку от курганного могильника. Песчаный культурный слой составлял мощность 50–60 см, но был интенсивно насыщен находками, главным образом позднего бронзового века, с крайне небольшим количеством материала неолита – энеолита и фатьяновской культуры (Попова, 1965, с. 165–166). Памятник не имел чёткой стратиграфии, тем не менее сам археологический материал позднего бронзового века довольно однородный. Всего коллекция керамики из поселения Коренец II составляет 1631 фрагмент, из которой 10–12% приходится на долю сетчатой керамики (рис. 2: 6–8; 3: 1–2; 5: 6–8)⁹. Керамика с сетчатыми отпечатками встречена как в верхней части культурного слоя, так и в нижней. Из раскопок И.К. Цветковой в 1951 г. происходят два развала крупных сосудов с сетчатыми отпечатками (рис. 3: 1–2).

Шагарский II грунтовый могильник и поселение Шагара I («Шагара»). Памятники расположены всего в 15 км к югу от предыдущих, но уже в Клепиковском муниципальном округе Рязанской области, на южном берегу одноименного проточного озера в месте протоки в озеро Великое. Впервые они были выявлены А.В. Трусовым в ходе разведок 1975–1976 гг. и представляют собой «многослойные» археологические памятники, содержащие остатки от стоянок, поселений и грунтовых могиль-

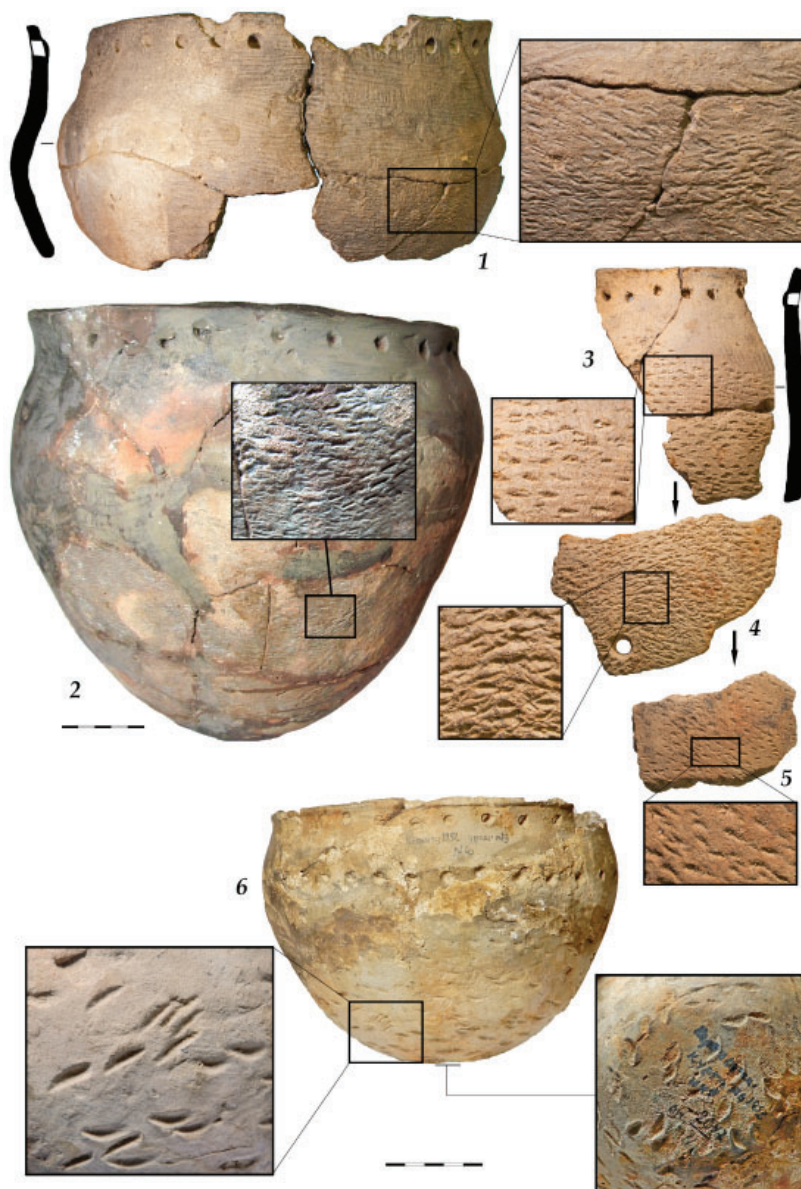

Рис. 3. Тип «рябчатый», подтип P1: 1-2 – сосуды из поселения Коренец II; 3-5 – фрагменты венчика, придонной части и дна от одного сосуда под насыпью кургана № 6 Коренецкого могильника; 6 – сосуд из кургана № 9 Коренецкого могильника.

Fig. 3. "Speckled" type, subtype P1: 1-2 – vessels from the Korenets II settlement; 3-5 – rim fragment, lower body fragment, and base from a single vessel beneath the mound of barrow No. 6 at the Korenets burial ground; 6 – vessel from barrow No. 9 at the Korenets burial ground.

ников начиная от периода позднего мезолита до конца бронзового века. С 1984 г. до 2023 г. оба памятника в разное время исследовались Мещёрской археологической экспедицией Исторического музея раскопками под руководством Е.Д. Каверзневой, А.В. Емельянова и Е.С. Азарова.

Шагарский II грунтовый могильник расположен на территории стоянки Шагара II, которая в ходе раскопок 1990-х гг. была исследована на площади 578 кв. м в «прибрежной» части.

В 2022–2023 гг. ещё 104 кв. м были дообследованы в отдаленной «лесной» части стоянки. Основной объём найденных материалов, главным образом в «прибрежной» части, относился к культурам ямочно-гребенчатой керамики и волосовской, к которой были отнесены остатки от четырех котлованов. Помимо поселенческих объектов в ходе раскопок в 1990-е было выявлено 15 погребений, впущенных в «черный» насыщенный песчаный нестратифицированный культурный слой мощностью до

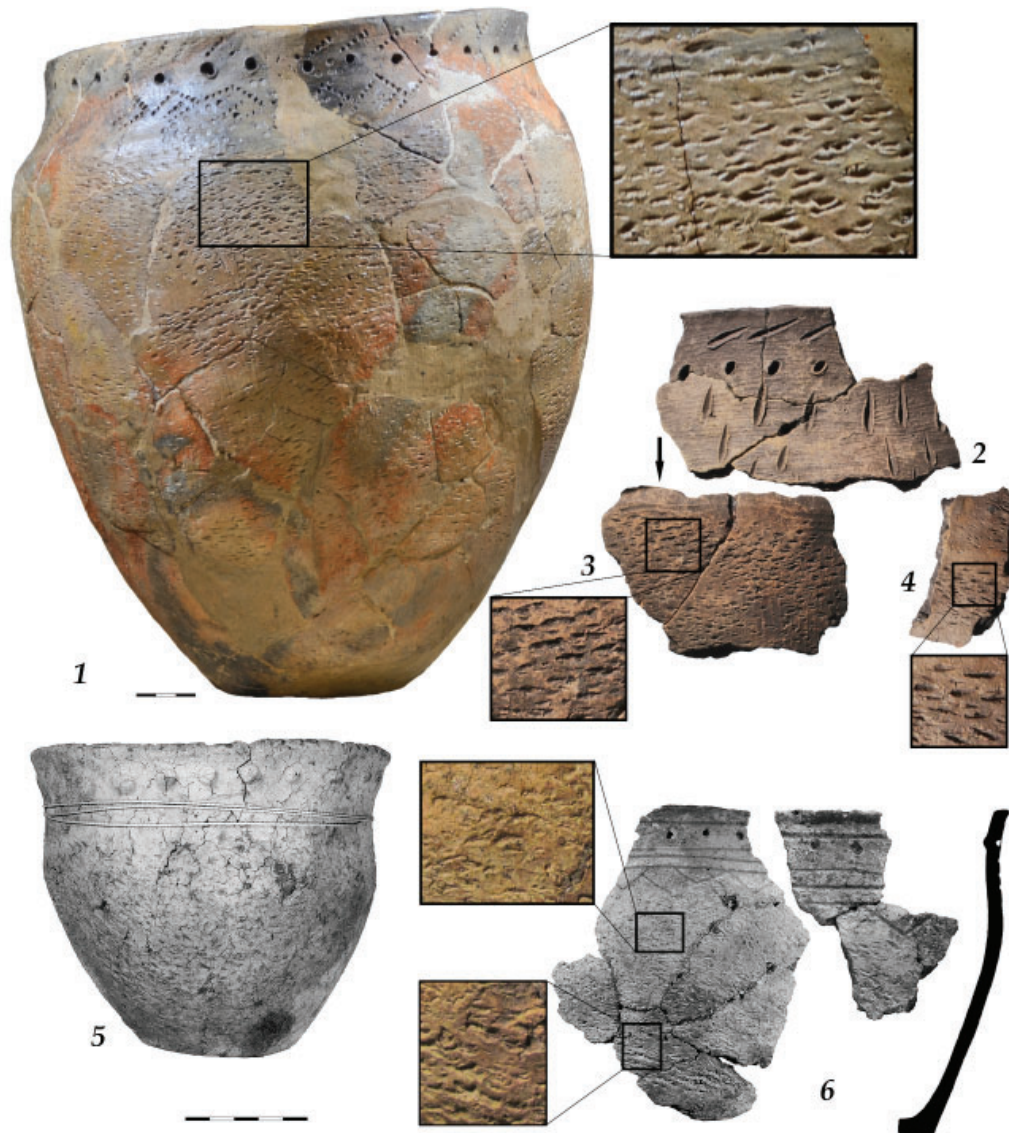

Рис. 4. Тип «рябчатый», подтип P1: 1 – сосуд у п. № 17 Шагарского II могильника; 2-3 – фрагмент венчика и верха тулова от одного сосуда из поселения Шагара I; 4 – фрагмент стенки из поселения Шагара I; 5 – сосуд из погребения № 1 могильника Щербинино; 6 – сосуд из поселения и могильника Щербинино.

Fig. 4. “Speckled” type, subtype P1. 1 – a vessel nearby burial No. 17 at the Shagara II burial ground; 2-3 – fragments of the rim and upper body from a single vessel discovered at the Shagara I settlement; 4 – a wall fragment from the same settlement; 5 – a vessel from burial No. 1 at the Shcherbinino burial ground; 6 – a vessel from the Shcherbinino settlement and burial ground.

1,5 м. Из 15 погребений 13 относились к поздняяковской культуре, два – предположительно, к волосовской культуре. При исследовании 2021–2023 гг. на участке с менее насыщенным культурным слоем было выявлено ещё как минимум три погребения (Азаров, 2025). У северо-восточного края погребения № 17 был выявлен развал орнаментированного по верху плоскодонного вытянутого сосуда с сетчатыми рябчатыми отпечатками, расположенными ниже орнаментальной зоны (рис. 4: 1). Среди

визуально заметных примесей в сосуде можно отметить дрсеву. Также в заполнении могильной ямы был обнаружен фрагмент верхней части похожего сосуда с характерными сетчатыми отпечатками (Азаров, 2025, рис. 10: в, 4). Также несколько схожих фрагментов были встречены в ходе раскопок 2022–2023 гг. в нижней части культурного слоя, на границе с «материковым» песком, на участках у погребений. Более поздняя сетчатая керамика финала бронзового века (Азаров, 2025, рис. 5:

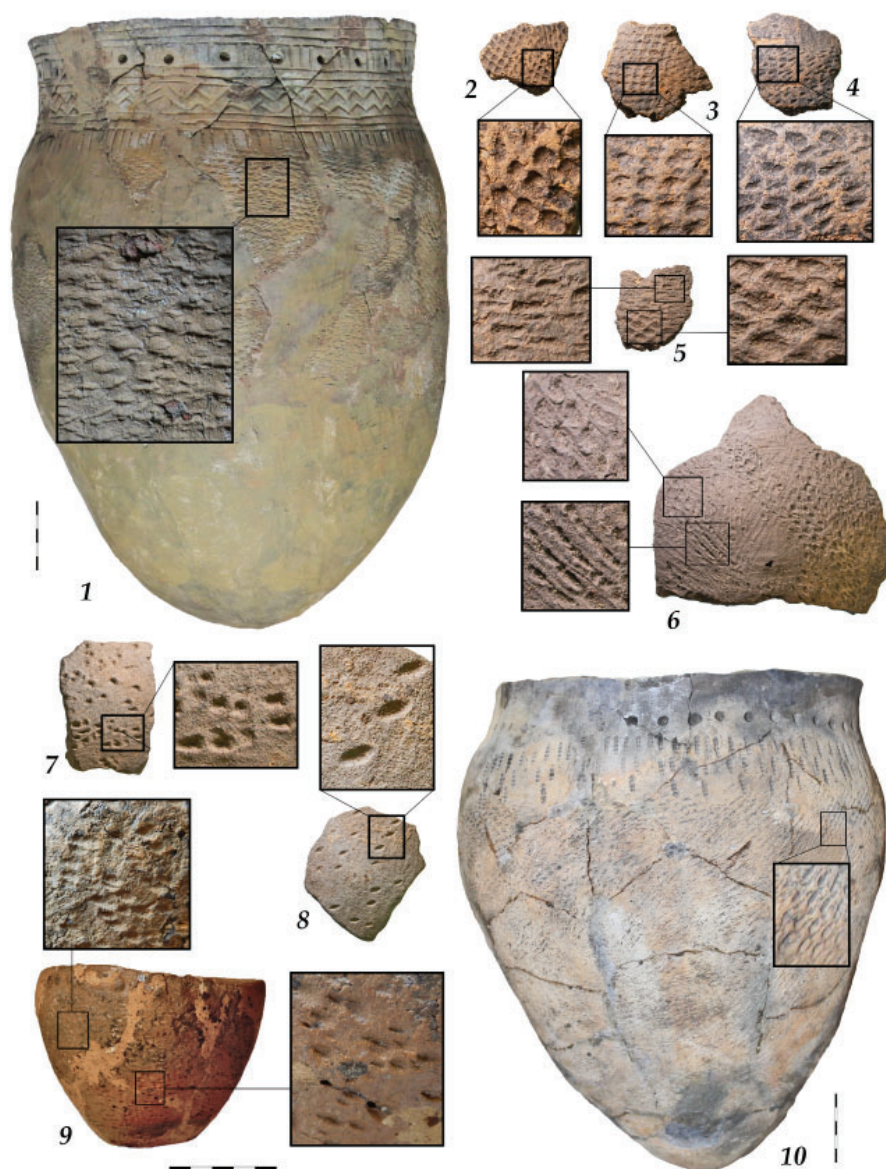

Рис. 5. Тип «рябчатый», подтип P2: 1 – сосуд из погребения № 65 могильника Фёфелов Бор; 2-5 – керамика поселения Логинов Хутор; 6-8 – керамика поселения Коренец II; 9 – сосуд из кургана №4 Коренецкого могильника; 10 – сосуд из культурного слоя поселения Шагара I.

Fig. 5. “Speckled” type, subtype P2: 1 – a vessel from burial No. 65 at the Fyofelov Bor burial ground; 2-5 – ceramics from the Loginov Khutor settlement; 6-8 – ceramics from the Korenets II settlement; 9 – a vessel from barrow No. 4 at the Korenetsky burial ground; 10 – a vessel from the cultural layer of the Shagara I settlement.

1–6) была обнаружена преимущественно в верхней части нестратифицированного культурного слоя и к моменту выхода на пятна могильных ям в «материке» уже не фиксировалась. Погребения «лесной» части Шагарского II могильника по ряду аналогий можно условно датировать началом 2-й четверти II тыс. до н. э.

Поселение Шагара I расположено примерно в 200 м к северо-западу от могильника и также представляет собой сочетание разнов-

ременных погребальных и поселенческих памятников. Свыше 130 погребений Шагарского I могильника эпох энеолита и последней четверти III тысячелетия до н. э. были впущены в «черный» насыщенный нестратифицированный культурный слой, содержащий остатки от стоянок, в том числе углубленные постройки, культур различных эпох от раннего до позднего неолита (ямочно-гребенчатой керамики, волосовской, шагарского типа). За период исследований с 1984

по 2021 гг., с перерывами на исследование других памятников, было вскрыто около 1600 кв. м (Каверзнева, 1992; Каверзнева, Азаров, 2020; Азаров, Каверзнева, 2022). Преимущественно в верхней половине культурного слоя, частично уничтоженной активной распашкой в XIX–XX вв., были обнаружены в большом количестве материалы поселения позднего бронзового века поздняяковской культуры. Всего, только за 2011–2020 гг. исследований, было обнаружено свыше 11 тыс. фрагментов керамики позднего бронзового века, из которых около 7% имели сетчатые отпечатки на поверхности, включая целые и неполные формы (рис. 4: 3–4; 5: 10; рис. 6: 3–4)¹⁰. Время существования поселения поздняяковской культуры по имеющимся материалам также можно датировать началом 2-й четверти II тыс. до н. э.

Поселение и могильник Щербинино («Щербинино»). Археологический комплекс расположен к югу от окраины микрорайона Карболит г. Орехово-Зуево Московской области, на краю первой надпойменной террасы левого берега р. Клязьмы. Впервые был выявлен как отдельные стоянки мезолита и неолита Щербинино 1, 2 и 6, а также производственно-го комплекса позднего Средневековья Щербинино 3 при разведках проектировавшегося строительства Д.В. Крутько в 2005–2006 гг. В 2012 г. в ходе спасательных археологических исследований отрядом Подмосковной археологической экспедиции Отдела охранных раскопок ИА РАН под руководством А.Е. Кравцова были уточнены границы и характер единого археологического комплекса памятника, включающего материалы финала позднего палеолита и раннего мезолита (иеневская культура), мезолита (бутовская культура), среднего неолита (ляльовская культура), позднего неолита – энеолита (деснинская культура), раннего бронзового века (фатьяновская культура), позднего бронзового века (поздняяковская культура), а также сельского поселения XII–XIII вв. В том же году был заложен раскоп в полосе землеотвода общей площадью 1532 кв. м (Кравцов и др., 2015а; 2015б). Культурный слой практически не был выражен внешне в стратиграфии, а его мощность, которая составляла до 40 см, определялась фактически по глубине залегания мешанного археологического материала вне заполнения объектов.

На исследованной раскопками площади «многослойного» памятника численно преобладал археологический материал, определенный как поздняяковская культура с признаками влияния культуры текстильной керамики (Кравцов и др., 2015а, с. 55). В контексте поселения поздняяковской культуры было выявлено наземное или слабо углубленное подпрямоугольное жилище площадью 54 кв. м с приподнятым тамбуром-входом и округлое сооружение к западу диаметром до 2,75 м и глубиной 1 м, вероятно связанное с обработкой кремня. Выявлены также иные «хозяйственные» объекты, из которых часть расположена близко к погребениям и может быть интерпретирована как погребально-поминальные объекты (Кравцов и др., 2015б, с. 84–86). Всего было обнаружено 1596 фрагментов керамики ПК, что составляет 94,2% всей обнаруженной керамики, из них 7,3% (116 фр.) имели на поверхности сетчатые рябчатые отпечатки (рис. 6: 6–7)¹¹. В заполнении жилища обнаружено всего 837 фрагментов керамики ПК, из которых 7,6% имели сетчатые отпечатки (Кравцов и др., 2015а, с. 59).

В 11–21 м в юго-западном направлении от жилища было выявлено три погребения в ямах (Кравцов и др., 2015б). Инвентарь погребения № 1, кроме двух наконечников стрел из черно-серого и черного кремня, был представлен плоскодонным горшковидным сосудом с сетчатыми отпечатками, орнаментированным по бортику насечками и полосой жемчужин по отогнутой наружу шее-щеке (рис. 4: 5) (Кравцов и др., 2015б, рис. 2: 1–3). Рябчатые отпечатки были расположены ниже орнаментальной зоны и начинались от верха тулова до дна. Неполный развал ещё одного сосуда с сетчатыми отпечатками (рис. 4: 6) был обнаружен в 4,6–6,1 м южнее погребения № 1 в виде отдельных фрагментов в радиусе 1,6 м и на разных глубинах с максимальной разницей в 48 см – возможно, сосуд происходит из разрушенного погребения или является «переотложенным» приставным сосудом к тому же погребению. Сосуд по форме был близок предыдущему и представлял собой слабопрофилированный плоскодонный горшок с отогнутой шей-щекой. Орнаментация из ямок и вдавлений гладкого штампа представлена в верхней части сосуда, и, как и в случае с предыдущими сосудами, сетчатые отпечатки начинались ниже, начиная от

Таблица 1. Количество и соотношение типов и подтипов отпечатков
Table 1. The number and ratio of types and subtypes of impressions

Комплекс	Памятник	Всего ¹	«Рябчатые»			«Ниточные»	
			P1	P2	P3	H1	H2
«Канищевские дюны»	Фёфелов Бор, г.м.	(1)	100%			-	
			-	(1)	-		
	Логинов хутор, пос.	3-5%	86%			14%	
			61%	25%	-	ок. 70%	ок. 30%
«Коренец»	Коренецкий к.м.	21%/(2)	100%			-	
			88%	12%	-		
	Коренец II, пос.	10-12%	100%			-	
			85%	15%	-		
«Шагара»	Шагарский II г.м.	(1)	100%			-	
			(1)	-	-		
	Шагара I, пос. (пбв)	ок. 7%	>>			<	
			>>	<	-		
«Щербинино»	Щербинино г.м.	(2)	100%			-	
			(2)	-	-		
	Щербинино, пос.	7,3%	99%			<1%	
			40%	-	60%	<1%	-

¹ В столбце «Всего» в скобках указаны отдельные сосуды, в процентах — доля от общего количества керамики поздняковской культуры.

верха тулова. Оба сосуда заметных визуально примесей не имели.

Сетчатые отпечатки

За основу взят подход к систематизации сетчатых (текстильных) отпечатков, разработанный О.А. Лопатиной для керамики дьяковской культуры (Лопатина, 2020). Базовым в нем является определение формы элементов отпечатков, которые оставлены рабочей поверхностью инструмента за один трудовой акт (движение, удар, прикладывание). В целом он близок к уже известному и рабочему подходу Б.А. Фоломеева в определении фактуры отпечатков (Фоломеев, 1998; 2017) на уровне определения формы элементов по материалам бронзового и раннего железного веков и с ним сопоставим. Тем не менее новый подход представляется более удобным в форме записи, а также сравнительно более удачным в определении подтипов, которые обобщают многообразие элементов по пропорциям для рябчатых отпечатков и особенностям скручивания нитей для «ниточных». Часть выделенных О.А. Лопатиной подтипов непосредственно для дьяковской керамики вполне удачно подходит и для поздняковской, что говорит в пользу схожести в разные эпохи инструментов для их нанесения, возможно естественного природного и

подручного происхождения. Детальная классификация на уровне видов не проводилась. Данные по соотношениям типов и подтипов в рамках типа отпечатков для приведенных памятников обобщены в Таблице 1.

Тип Рябчатые (P). К этому типу отнесены элементы отпечатков в виде ячеек различных форм, размеров и пропорций. Данный тип сетчатых отпечатков является наиболее распространенным среди всех обозначенных памятников (рис. 2–5; 6: 6–7).

Подтип P1 – элементы узких пропорций, длина отпечатков существенно превышает ширину (рис. 2–4). Представлены как «скобковидными» («полулунчатыми», «ногтевыми», «эсовидными») отпечатками (рис. 2: 1, 6), так и прямыми, подпрямоугольной или немного «линзовидной» формы (рис. 2: 2–4, 5, 7–8). Длина «скобковидных» отпечатков составляет около 7–8 мм, длина прямых (или «линзовидных») – около 4–5 мм. На сосудах элементы расположены чаще всего вытянуто горизонтально. Также внутри отпечатка элементов иногда отдельный рельеф от «инструмента» в виде перегородок. Данный подтип является доминирующим для поселений Логинов Хутор (61%), Коренец II (85%), в материалах Коренецкого могильника (88%) и

по общим наблюдениям среди сетчатой керамики поселения Шагара I. Встречен на сосуде из погребения Шагарского II могильника. В поселении Щербинино отпечатков P1 зафиксировано меньше половины (40%), однако они представлены на сосудах, связанных с могильником (рис. 4: 5–6).

Отпечатки P1 имеют свои особенности в плотности и расположении на отдельных фрагментах и сосудах. Плотность чаще всего определяется как высокая, при которой расстояние между элементами составляет до одного интервала, равное ширине или длине самого элемента. Распространена и средняя плотность – до трех интервалов (Фоломеев, 1998, с. 86–87). В то же время на одних и тех же сосудах плотность может увеличиваться от верха тулова к придонной части, переходя от средней до высокой и очень высокой плотности, когда элементы расположены уже внахлест (рис. 3: 3–4). В ряде случаев на некоторых фрагментах сосудов присутствуют участки, чаще всего в виде диагональных полос-отрезков шириной до 2,5 см, в которых сетчатые отпечатки либо отсутствуют, либо имеют низкую и очень низкую плотность (рис. 2: 7–8). На одном из неполных развалов поселения Коренец II «сетчатые» отпечатки нанесены локально только с одной стороны сосуда, чуть ниже тулова, в то время как на остальных сохранившихся частях сосуда отпечатков нет (рис. 3: 1).

К специфическим случаям следует отнести сосуд из кургана № 9 Коренецкого могильника с сильно разреженными, крупными, вытянутыми, глубокими вдавлениями на тулове длиной 10 мм и более, расположенными в придонной части и на дне и напоминающими элементы подтипа P1 сетчатых отпечатков (рис. 3: 6). Возможно, в данном случае это стилистическая имитация сетчатых отпечатков – их расположение в зоне ниже орнаментальной зоны в целом повторяет общие закономерности.

Подтип P2 – элементы широких пропорций, длина отпечатков незначительно превышает ширину (рис. 5). Данный подтип сетчатых отпечатков встречается сравнительно реже и крайне неоднороден. Обычно элементы отпечатков представляют собой овал, часто с неровными краями, длина в среднем 4–5 мм или 6–7 мм. Больше всего их выявлено на поселении Логинов Хутор (25%), встрече-

ны на сосуде в погребении № 65 могильника Фёфелов Бор (рис. 5: 1). В поселении Коренец II среди всего типа рябчатых отпечатков подтипа P2 выявлено около 15%. В поселении Шагара I также выявлены отпечатки P2, в том числе на одном из развалов сосуда полной формы (рис. 5: 10), но в целом по наблюдениям количество таких отпечатков незначительно. Стоит отметить, что в некоторых единичных случаях в памятниках Логинов Хутор и Коренец II подтипы отпечатков P1 и P2 сочетались на одном и том же сосуде (рис. 5: 5–6).

Плотность отпечатков подтипа P2 на имеющихся образцах чаще всего можно определить как высокую, на сосуде из поселения Шагара I (рис. 5: 10) как крайне высокую: отпечатки накладывают друг на друга, образуя специфическую фактуру. Также обособлено в рамках подтипа P2 выделяются немного нестандартные отпечатки (?) с низкой плотностью в виде глубоких вдавлений длиной 4–6 мм в поселении Коренец II (7%) (рис. 5: 7–8). Схожие хаотичные и глубокие вдавления, наряду с поверхностными, зафиксированы и на небольшом баночном сосуде из кургана № 4 Коренецкого могильника (рис. 5: 9).

Подтип P3 – ячейки в виде уголков, скругленных очертаний; длина и ширина примерно равны (рис. 6: 6–7). Также эти отпечатки можно описать как «мелкие и подквадратные», нанесенные под углом и др. Данный подтип сетчатых отпечатков из приведённого перечня памятников выявлен только в поселении Щербинино и доминирует среди рябчатых элементов (60%). Плотность отпечатков чаще всего можно определить как высокую, длина элементов в среднем до 1,5–2 мм.

Тип Ниточные (Н). К этому типу отнесены элементы в виде отпечатков нитей (результат сучения волокна) или веревочек (свитые из нескольких нитей) (рис. 6: 1–5). Данный тип отпечатков слабо представлен в указанных памятниках 1-й половины II тыс. до н. э. Его значительное распространение на территории Средней Оки характерно уже для памятников 3-й четверти II тыс. до н. э. и в особенности финала бронзового века. Наиболее обстоятельно в имеющихся памятниках представлен в поселении Логинов Хутор (14%). В систематизации отпечатков Б.А. Фоломеева (1998) этот тип соотносится с ниточно-шнуровой и ниточно-жгутовой видами фактуры отпечатков.

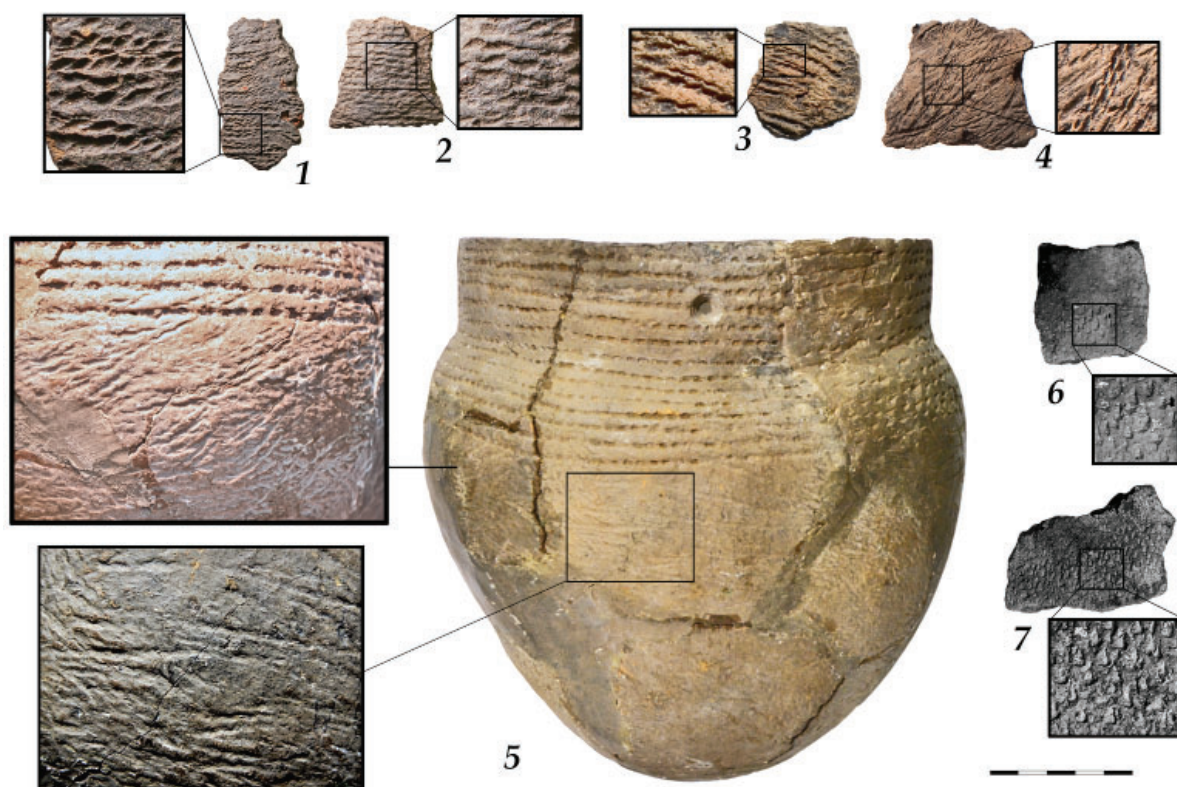

Рис. 6. Типы «ниточный» (подтипы Н1 и Н2) и «рябчатый», подтип Р3: 1-2 – керамика поселения Логинов Хутор с отпечатками подтипа Н1; 3-4 – керамика поселения Шагара I с отпечатками подтипа Н1; 5 – сосуд из постройки № 1 поселения Логинов Хутор с отпечатками подтипа Н2; 6-7 – керамика из заполнения жилища поселения Щербинино подтипа Р3.

Fig. 6. Types “thread” (subtypes H1 and H2) and “speckled”, subtype P3. 1–2 – ceramics from the Loginov Khutor settlement with subtype H1 impressions; 3–4 – ceramics from the Shagara I settlement with subtype H1 impressions; 5 – a vessel from structure No. 1 at the Loginov Khutor settlement with subtype H2 impressions; 6–7 – ceramics from the fill of a dwelling at the Shcherbinino settlement, subtype P3.

Подтип Н1 – отпечатки веревочек, состоящих из хорошо различимых витков; направление скручивания S (рис. 6: 1–4). Данный подтип отпечатков встречен в поселении Логинов Хутор (около 70%) (рис. 6: 1–2). В небольших количествах, как факт, он также известен на керамике в поселении Шагара I (рис. 6: 3–4) и буквально на одном-двух фрагментах в поселении Щербинино. Нужно отметить, что иногда, в силу особенностей сохранности поверхности керамики, величины фрагмента или же чисто субъективных факторов, данный подтип ниточных отпечатков может быть спутан с плотно расположенными в ряды рябчатыми отпечатками подтипа Р2.

Подтип Н2 – отпечатки нитей, у которых четко выраженные витки отсутствуют, однако имеются следы свивания нити, направление скручивания Z. Данный подтип отпечатков в небольшом количестве известен только в поселении Логинов Хутор. На дне

постройки № 1 был обнаружен сосуд с отпечатками этого подтипа (рис. 6: 5), имеющий несколько даже «архаичный» облик для поздняяковской культуры. Имеющиеся отпечатки разнонаправленные и хаотичные, на сосуде расположены также ниже орнаментальной зоны.

Обсуждение

Общим для всех приведенных памятников является почти абсолютное преобладание рябчатого типа, а также расположение отпечатков на сосуде вне орнаментальной зоны в верхней части (шея, щека и плечо) – на тулове, в придонной части и на дне. Такая зональность создаёт известные трудности при статистической обработке, так как, по общим наблюдениям, фрагментация сосудов в слое происходит чаще всего именно по местам перехода плеча в тулово. Это также влияет на возможности «реконструкции» условных сосудов и ведения статистики по ним, особенно с учётом

случаев частичного расположения отпечатков на тулове и часто плохой сохранности самой керамики. Также определенные сложности создает фиксируемая иногда разная плотность отпечатков на частях одного сосуда и возможное сочетание отпечатков подтипов P1 и P2. В условиях сильно «мешанных» и «нестратифицированных» поселенческих памятников позднего бронзового века лесной зоны, где степень фрагментации керамики может быть крайне высока, это уверенно приводит к тому, что фрагменты венчика с орнаментом, стенок без орнамента с сетчатыми отпечатками и гладкостенные фрагменты гипотетически от одного и того же сосуда будут отнесены к разным сосудам.

Выявлены определённые территориальные закономерности в количестве и соотношении подтипов сетчатых отпечатков. Комплексы памятников находятся на берегу р. Оки на южной границе Мещерской низменности («Канищевские дюны»), в её центре («Коренец» и «Шагара»), а также на её северо-западной границе на берегу р. Клязьмы («Щербинино»). На юге региона доля сетчатых отпечатков для памятников 1-й половины II тыс. до н. э. не превышает 5%, доминируют отпечатки P1, значительна доля подтипа P2 (25%), а также ниточных отпечатков (14%). Здесь уместно также упомянуть материалы поселения Засеченское III (Челяпов и др., 1999), расположенного ниже по течению Оки от Логинова Хутора, которое вместе с Засеченским курганным могильником (Челяпов, 1992а) образует связанный комплекс поздняяковской культуры раннего этапа условно конца 1-й четверти II тыс. до н. э. Судя по имеющимся в публикации изображениям сетчатой керамики (Челяпов и др., 1999, с. 10) и обзору керамической коллекции¹², в поселении встречается более поздняя сетчатая керамика т. н. «климентовского» типа финала бронзового века с наклонными вдавлениями и ниточными отпечатками (Челяпов и др., 1999, рис. 10: 6, 11). Однако большая её часть, судя по формам сосудов (Челяпов и др., 1999, рис. 10: 1) и уже имеющимся аналогиям, хорошо соотносится с сетчатой керамикой из поселений 1-й половины II тыс. до н. э. Общее её количество, очевидно, также незначительно (до 5%), и, по наблюдениям, аналогично преобладают отпечатки подтипа P1 при единичном наличии ниточного типа отпечатков.

Для памятников центра Мещерской низменности или Озёрной Мещеры 1-й половины II тыс. до н. э. характерно практически полное отсутствие ниточных отпечатков, более значительное преобладание отпечатков подтипа P1 (85–88%) и соответственно меньшее значение P2 (12–15%) (по материалам комплекса «Коренец»). В поселениях незначительно, но увеличивается количество самой сетчатой керамики 1-й половины II тыс. до н. э. до 12%. Эта же закономерность отражается и в погребальных памятниках.

Наконец, для региона севера Мещеры по материалам «Щербинино» характерно также определённое количество сетчатой керамики (7,3%), сопоставимое с центром. Данные по могильнику мало сопоставимы, но, так или иначе, при малой выборке также показательны. Обращает на себя внимание большая доля подтипа P3 среди рябчатых отпечатков (60%) – в ранее упоминаемых комплексах она не была выявлена вовсе. Широкое распространение рябчатых отпечатков этого подтипа больше характерно для памятников Верхней Волги в сходное и более позднее время (варианты 4–5 рябчатых отпечатков, по Б.А. Фоломееву (Фоломеев, 2017, с. 326–327) – возможно, значительное количество керамики с такими отпечатками следует связывать с географическим расположением поселения и могильника Щербинино на северо-западном краю ареала поздняяковской культуры и, соответственно, более сильным влиянием населения памятников с сетчатой керамикой Верхнего Поволжья. Кроме того, из приведённого перечня памятников 1-й половины II тысячелетия поселение и могильник Щербинино, вероятно, самый поздний, датируется XVI в. до н. э. (1610–1500 кал. л. до н. э.) (Марьенкина и др., 2023, с. 39).

Радиоуглеродные даты для других указанных памятников ПК, к сожалению, отсутствуют. Тем не менее для памятников «Канищевских дюн» и «Коренца» мы можем предполагать довольно раннее время в рамках общей хронологии ПК. С учётом имеющейся на сегодня сводки данных радиоуглеродной хронологии (1750–1250 кал. л. до н. э.) (Марьенкина и др., 2023), в которой памятники раннего этапа представлены лишь одной датой, можно предполагать их время существования как минимум в конце 1-й четверти II тыс. до н. э. С учётом дефицита радиоуглеродных данных следует упомянуть одну

дату AMS ^{14}C по нагару с неизвестного нам, к сожалению, фрагмента керамики с сетчатыми отпечатками из поселения поздняковской культуры Нармус в Центральной Мещере – 1890–1622 кал. л. до н. э. (Hela-934, 3450 ± 50 BP, IntCal20, 2σ (95,4%)) (Лавенто, 2011, с. 268; Лавенто, Патрушев, 2015, с. 170)¹³. Памятник был открыт О.Н. Бадером в 1926 г., и им же в 1972 и 1974–1975 гг. производились шурфовки и раскопки (вскрыто около 247 кв. м) (Бадер, 1972; 1974; 1975), позднее, в 1983 г., небольшие обследования производил Б.А. Фоломеев (Фоломеев, 1983) – был получен разновременный материал (от неолита до Нового времени) с преобладанием материалов ПК и небольшим количеством сетчатой керамики. Памятник расположен всего в 3,7 км к востоку от поселения Шагара I, на противоположном восточном берегу озера Великое, и по общему описанию и обзору материала довольно близок ему в материалах ПК, как и к комплексу «Коренец».

Рассмотренные выше памятники ПК географически находятся в западной части ареала, преимущественно в границах Мещерской низменности (рис. 1). В более восточных и относительно ранних памятниках ниже по течению Оки, в частности в материалах поселений Ибердус 2 (стоянка Ибердус III) (Попова, 1985, с. 142; Швецова, 2023а) и Подборновском (Челяпов, 1992б), сетчатая керамика практически не встречена. В материалах грунтового могильника Берёзовый рог сетчатая керамика известна лишь единично, без чёткого контекста в слое, возможно в качестве остатков тризны у погребений поздней «северной» группы (Азаров, 2014, с. 361). В известных памятниках ПК раннего и развитого периода Нижнего Поочья керамика с сетчатыми отпечатками встречена в ряде поселений в виде отдельных фрагментов стенок в количестве не более 5%, однако контекст её находок, как правило, не обсуждается (Наумовка, Новая Деревня-1, Щелково 1) (Швецова, 2022, с. 99; 2023б, с. 38); в некоторых случаях (Дмитровская слобода II), очевидно, они отсутствуют (Воронин, 2013, с. 330–334). Неизвестна она в понятном контексте для погребальных памятников (Борисоглебовский, Мало-Окуловском, Битюковский курганные могильники) (Попова, 1985)¹⁴.

Для памятников финала ПК Нижнего Поочья (Шава-1, Безводное-1), вероятно уже

в 3-й четверти II тыс. до н. э., отмечается, наоборот, резкое увеличение сетчатой керамики в изученных комплексах (Швецова, 2022, с. 99). Очевидно, это следует связывать с более активным влиянием населения с сетчатой керамикой извне, что привело в итоге к формированию уже нового типа древностей в Поочье. Схожие культурные процессы, вероятно, нашли своё отражение и на территории Среднего Поочья в это более позднее время (Азаров, 2013). Северные памятники восточной части ареала ПК, расположенные выше по течению рек Клязьмы и Волги, очевидно, имеют свои локальные особенности и специфику, требующие своего отдельного рассмотрения. В известных случаях – поселения Сокольское 2 (Гурина, 1963, с. 182–195) и Липки (Zbrujeva, 1929) – не совсем ясна единовременность археологического материала¹⁵. Однако, возможно, речь идёт уже о хронологически поздних памятниках в рамках ПК и соответствующих культурных процессах, по аналогии с памятниками Нижнего Поочья, которые здесь в силу географических причин должны были начаться раньше и, очевидно, проходили активнее, чем в западной части ареала.

Выводы

Рассмотренные в нашем небольшом исследовании случаи обнаружения сетчатой керамики в западных памятниках ПК 1-й половины II тыс. до н. э. позволяют сделать ряд общих выводов. Сетчатая керамика органично присутствует в погребальных и поселенческих комплексах вместе с остальной керамикой ПК с самого раннего этапа и составляет с ней культурную целостность. Доля сетчатой керамики в памятниках Средней Оки невелика (до 5%), но увеличивается к северу на территории Озёрной Мещеры (до 12%). Для ранних и развитых памятников ПК Нижней Оки сетчатая керамика встречается значительно реже. На сосудах сетчатые отпечатки почти всегда расположены ниже орнаментальной зоны на шее/щеке/плече – на тулове, в придонной части и на дне. Встречаются случаи более редкого зонального расположения. Среди подтипов отпечатков преобладают рябчатые P1, в виде элементов узких пропорций, расположенных горизонтально, высокой и средней плотности. Такая сетчатая керамика с относительно разреженными отпечатками P1 представляется характерной именно для

ПК. В комплексах на территории Средней Оки чуть более выражено представлены ниточные и рябчатые отпечатки подтипа Р2 в виде овальных ячеек. В наиболее северных памятниках ПК на р. Клязьме широкое распространение получают отпечатки подтипа Р3, в виде мелких равносторонних угловатых элементов, в значительной степени характерных уже для памятников с сетчатой керамикой 1-й половины II тыс. до н. э. к северу и к западу, а также более поздних.

Указанное выше определяет в какой-то мере локальные особенности «западных» памятников ПК 1-й половины II тыс. до н. э. или же особенности памятников периферийной зоны ПК в целом, граничащей с запада, северо-запада и севера с памятниками иных культурных типов КТК, в материальной культуре которых сетчатая керамика представ-

лена более выражено. Культурное влияние последних, очевидно, проявлялось в материальной культуре местного населения с самого раннего времени существования ПК, возможно ещё в период сложения. Безусловно, эти культурные процессы проявлялись не только распространением отпечатков на керамике, а также не были односторонними – степень и глубина проникновения и влияния ПК или, вернее сказать, культурного импульса из лесостепи и степи, приведшего к образованию ПК, в культурную среду памятников с сетчатой керамикой (КТК) за пределами периферийной зоны ПК в 1-й половине II тыс. до н. э. требует более подробной оценки. Дискуссионными остаются и многие вопросы о природе, источниках и распространении сетчатой керамики как типа древностей эпохи раннего металла в лесной зоне Восточной Европы.

Примечания:

¹ Ранее упоминались только три, но их, очевидно, всего пять – № 1, 33, 35, 44, 47.

² В публикации (Попова, 1988) сосуд не представлен, отсутствует его изображение и в полевом отчёте. Дно сосуда не сохранилось и было реконструировано в 1970-х годах реставратором, по-видимому весьма приблизительно. При его публикации ранее (Азаров, 2014, рис. 10: 1) была допущена ошибка в определении отпечатков как ниточно-шнуровых.

³ Раскопки 1968 г. – ГИМ 100935; раскопки 1969 г. – ГИМ 101357. В музей был отобран самый информативный массовый материал. К сожалению, практика каких-либо статистических описательных таблиц массового материала в полевых отчётах на тот момент отсутствовала.

⁴ Подсчёты проводились по количеству фрагментов керамики в имеющихся музейных коллекциях, при этом учёт частично склеенных и целых сосудов имеет определённую погрешность, что отражено в указанном диапазоне.

⁵ Коллекции ГИМ 97621, ГИМ 105272. К сожалению, упоминаемые в статье Т.Б. Поповой раскопки могильника в 1951–1952 гг. И.К. Цветковой и И.В. Яценко, очевидно, никак не были задокументированы.

⁶ Раскопки 1951 г. – ГИМ 83688; 1961 г. – ГИМ 97620.

⁷ В более поздней статье Т.Б. Поповой для Коренецкого могильника количество сетчатой керамики указано как 11% (Попова, 1985, с. 170), что, вероятно, отражает возможное общее соотношение с учётом той части керамики, которая могла не войти в музейную коллекцию (особенно раскопки 1951–1952 гг.).

⁸ Такая специфика погребальных памятников, при несохранившихся костных останках, для курганных могильников поздняяковской культуры не уникальна и известна по материалам Мало-Окуловского, Битюковского, Засеченского могильников (Збруева, 1947; Попова, 1969; Челябинов, 1992а).

⁹ В публикации Т.Б. Поповой 1965 г. и в полевом отчёте (Попова, 1961) её количество указано в 21%, что говорит либо о неполноте взятой в музей коллекции, либо также о том, что оно вычислялось на основе выборки, включавшей преимущественно «типично поздняяковскую керамику» в понимании автора раскопок. Не исключено также, что опубликованные статистические данные по могильнику и по поселению могли быть перепутаны в публикации и полевом отчёте, так как наши современные подсчёты дают прямо противоположную картину при тех же значениях.

¹⁰ Приведены статистические данные из полевых отчётов за 2011–2020 гг. В настоящей статье материалы позднего бронзового века поселения Шагара I использованы преимущественно для аналогии, для увязки с материалами могильника и отражения общей ситуации и пропорции на памятнике. Коллекции хранятся в ГИМ, требуют более тщательной проработки и отдельной публикации.

¹¹ Коллекция находок хранится в Орехово-Зуевском историко-краеведческом городском музее в основном фонде (ОЗМ КП 2818) и в научно-вспомогательном фонде (НВФ-12/А-709, НВФ-12/А-710).

¹² Коллекции из раскопок В.П. Челябинова обоих памятников хранятся в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике и доступны для поиска и просмотра на сайте Госкаталога (указанные коллекции имеют шифры

основного фонда). Раскопки 1977-1979 гг.: РМЗ КП-9684 (только поселение), РМЗ КП-10137, РМЗ КП-11072.

¹³ В указанной статье (Лавенто, Патрушев, 2015) памятник ошибочно отнесён к Владимирской области и упомянут только в контексте радиоуглеродной даты появления сетчатой керамики в Верхнем и Среднем Поволжье. Исследовательская программа авторов, по-видимому, практически не включала анализ керамических комплексов, из которых происходили образцы. Очевидно, что имеется в виду поселение поздняковской культуры на полуострове Нармус (Нармусоло) у д. Зимницы на восточном берегу оз. Великое в нынешнем Клепиковском городском округе Рязанской области. Других памятников с таким названием в Волго-Окском междуречье обнаружить не удалось. Коллекция хранится во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике. Материал раскопок 1974 г.: В-18984.

¹⁴ Т.Б. Поповой, правда, упоминается один сосуд в Борисоглебском могильнике с «сеткой» (Попова, 1985, с. 165), но выявить его в коллекции не удалось. Аналогичная ситуация и для указанной в статье сетчатой керамики в Мало-Окуловском могильнике.

¹⁵ Так, в материалах самого северного и удалённого памятника ПК Сокольское 2 (Гурина, 1963, с. 182–195) керамика с сетчатыми отпечатками значительно преобладает в поселенческом комплексе, определённом Н.Н. Гуриной как однородный. Для поселения Липки (Zbrujeva, 1929) А.В. Збруева отмечала две различные группы по гончарным традициям, одна из которых близка срубно-хвалынской и более поздней хвалынской культурам. Под «хвалынской» имелась в виду культура позднего бронзового века, по времени сопоставимая ныне с поздними памятниками срубной культуры, сусканской культурой и ивановской культурой валиковой керамики – см. (Малов, 2013, с. 102–103). Другая более многочисленная группа керамики в Липках соответствует керамике с сетчатыми отпечатками, часть из которой, судя по публикации (Zbrujeva, 1929, abb. 10), очевидно, близка более северной сетчатой керамике поселения Сахтыш II на юге Ивановской области, датирующейся не ранее 3-й четверти II тыс. до н. э. (Сыроватко, 2007).

ЛИТЕРАТУРА

Азаров Е.С. Поселение и грунтовый могильник эпохи бронзы Кораблино // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 182–195.

Азаров Е.С. Погребальные памятники культуры текстильной керамики Окского бассейна // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 352–373.

Азаров Е.С. К планиграфии поселений культуры "текстильной" керамики позднего бронзового века Поочья. Жилые постройки // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С. 63–79.

Азаров Е.С. Исследование Шагарского II могильника в 2022-2023 гг. // Археологическое наследие. 2025. № 1 (8). С. 188-217.

Азаров Е.С., Каверзнева Е.Д. Работы Мещёрской археологической экспедиции // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2021 / Отв. ред. М.В. Ивашов. Липецк, Воронеж: Новый взгляд, 2022. С. 134–136.

Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970. 176 с.

Бадер О.Н. Отчёт об археологических разведках, произведенных в Рязанской Мещере в 1972 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4944.

Бадер О.Н. Отчёт о полевых исследованиях в 1974 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №№ 5633-5633а.

Бадер О.Н. Отчёт о работах Северной палеолитической и Окской экспедиций 1975 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №№ 5452-5452а.

Воронин К.В. Комплекс бронзового века поселений Песочное-1 и Дмитриевская слобода II // Тверской археологический сборник. Вып. 9 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2013. С. 329–344.

Гурина Н.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции) // Труды Горьковской археологической экспедиции / МИА. № 110 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.; Л.: Наука, 1963. С. 85–203.

Збруева А.В. Мало-Окуловские курганы // СА. Т. IX / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 199–212.

Каверзнева Е.Д. Шагарский могильник конца III - начала II тысячелетия до н.э. в Центральной Мещере // РА. 1992. № 3. С. 147–159.

Каверзнева Е.Д., Азаров Е.С. Работы Мещёрской археологической экспедиции // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2019 / Отв. ред. М.В. Ивашов. Липецк, Воронеж: Новый взгляд, 2020. С. 235–236.

Кравцов А.Е., Азаров Е.С., Бабкина Е.В., Марьенкина Т.А., Модин Р.Н. «Поселение и могильник Щербинино» – археологический памятник мезолита – бронзового века и средневековья в Подмосковной Мещере (некоторые результаты исследования культурного слоя) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 11 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2015а. С. 20–76.

Кравцов А.Е., Азаров Е.С., Бабкина Е.В., Марьенкина Т.А., Модин Р.Н. Могильник позднего бронзового века на археологическом памятнике «Поселение и могильник Щербинино» в Подмосковной Мещере // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 11 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2015б. С. 77–88.

Лавенто М. Новые АМС-датировки текстильной керамики Среднего и Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 263–272.

Лавенто М., Патрушев В.С. Развитие и хронология текстильной керамики на Средней и Верхней Волге: критический взгляд возможностей хронологии по ^{14}C -, АМС и типологическому методам // Поволжская археология. 2015. № 2 (12). С. 160–188.

Лопатина О.А. «Текстильные» отпечатки на керамике дьяковской культуры – подходы к систематизации // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 77–79.

Малов Н.М. Хронология и периодизация позднего бронзового века Поволжья: хвалынская культура валиковой керамики // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции / Отв. ред. Е.А. Черленок. СПб.: Скифия-принт, 2013. С. 102–117.

Марьенкина Т.А., Мимоход Р.А., Зеленцова О.В. Радиоуглеродная хронология поздняяковской культуры: предварительные итоги // РА. 2023. № 3. С. 38–48.

Попова Т.Б. Отчёт о работе археологической экспедиции Гос. Исторического музея в Шатурском р-не Московской области в июле 1961 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2279.

Попова Т.Б. Коренецкие стоянка и могильник // СА. 1965. № 1. С. 154–167.

Попова Т.Б. Битюковские курганы под городом Муромом // Древности Восточной Европы. К семидесятилетию Алексея Петровича Смирнова / МИА. № 169 / Ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 167–172.

Попова Т.Б. Исследование памятников эпохи бронзы на Канищевских дюнах под Рязанью // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 222–235.

Попова Т.Б. Значение орнаментальных мотивов и керамических форм для датировки поздняяковской культуры на Средней Оке // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы / Труды ГИМ. Вып. 60 / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: ГИМ, 1985. С. 133–187.

Попова Т.Б. Грунтовый могильник поздняяковской культуры под Рязанью // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии / Труды ГИМ. Вып. 68 / Отв. ред. С.В. Студзицкая. М.: ГИМ, 1988. С. 101–137.

Сыроватко А.С. Сетчатая керамика стоянки Сахтыш II (по материалам раскопок Д.А. Крайнова) // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2007. С. 75–80.

Сыроватко А.С. Период финальной бронзы в Москворечье: состояние источников и проблема их интерпретации // Тверской археологический сборник. Вып. 9 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2013. С. 360–373.

Третьяков В.П. Соотношение поздняяковских памятников и культуры сетчатой керамики // КСИА. Вып. 142 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1975. С. 25–30.

Фоломеев Б.А. Жилища стоянки Фефелов Бор I // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 236–252.

Фоломеев Б.А. Тюков городок // СА. 1975. № 1. С. 154–170.

Фоломеев Б.А. Отчёт Окско-Донской археологической экспедиции за 1983 год // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №№ 9663-96636.

Фоломеев Б.А. Фактура текстильной керамики бассейна Средней Оки // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7 / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ по ОИПИКРО, 1998. С. 79–105.

Фоломеев Б.А. Типология текстильных отпечатков и хронологическое распространение отдельных видов сетчатых фактур. Дополнения из черновики // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 319–335.

Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Гласко М.П., Гуман А.Ю. Климентовская стоянка (к вопросу о хозяйственной деятельности человека и развитии природной обстановки в долине Средней Оки) // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии / Труды ГИМ. Вып. 68 / Отв. ред. С.В. Студзицкая. М.: ГИМ, 1988. С. 168–191.

Челяпов В.П. Засеченский курганный могильник. Рязань: НПЦ по ОИПИКРО, 1992а. 69 с.

Челяпов В.П. Керамика Подборновского поселения // Археологические памятники среднего Поочья / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ по ОИПИКРО, 1992б. С. 29–34.

Челяпов В.П., Барышев И.Б., Иванов Д.А. Засеченское III поселение эпохи бронзы на Нижней Прони // Труды Рязанского исторического общества. Вып. III / Отв. ред. П.В. Акульшин. Рязань: Узорчье, 1999. С. 5–29.

Швецова А.А. Система орнаментации керамических сосудов поздняковской культуры позднего бронзового века на территории Волго-Окского правобережья // Поволжская археология. 2022. № 1 (39). С. 87–103.

Швецова А.А. Предварительные результаты изучения керамического комплекса поселения Ибердус 2 – раннего памятника поздняковской культуры // Новые материалы и методы археологического исследования: история VS источниковедение. Материалы VII конференции молодых ученых / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2023а. С. 61–62.

Швецова А.А. Поселение поздняковской культуры Щелково 1 в нижнем течении р. Оки: характеристика керамического комплекса // КСИА. 2023б. Вып. 272. С. 24–41.

Швецова А.А., Азаров Е.С. Гончарные традиции населения Среднего Поочья в эпоху бронзы (по материалам поселения поздняковской культуры Логинов Хутор) // РА. 2022. № 1. С. 39–52.

Zbrujeva A. V. Der Wohnplatz von Lipki Gouv. Vladimir // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1929. Vol. IV. P. 102–115.

Информация об авторе:

Азаров Евгений Сергеевич, заместитель заведующего отделом археологических памятников, Государственный Исторический музей (г. Москва, Россия); hazari4@yandex.ru

REFERENCES

Azarov, E. S. 2013. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* (230), 182–195 (in Russian).

Azarov, E. S. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 352–373 (in Russian).

Azarov, E. S. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 63–79 (in Russian).

Azarov, E. S. 2025. In *Arkheologicheskoe nasledie (The Archaeological Heritage)* 8 (1), 188–217 (in Russian)

Azarov, E. S., Kaverzneva, E. D. 2022. In Ivashov, M. V. (ed.). *Arkeologicheskie issledovaniia v Centralnom Chernozem'e 2021 (Archaeological Studies in the Central Black Earth Region 2021)*. Lipetsk; Voronezh: "Novyi vzglyad" Publ., 134–136 (in Russian).

Bader, O. N. 1970. *Bassein Oki v epokhu bronzy (Oka River Basin in the Bronze Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Bader, O. N. 1972. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh, proizvedennykh v Riazanskoj Meshchere v 1972 g. (Report of archaeological reconnaissances conducted in the Ryazan Meshchera region in 1972)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Fund 1, R-1, no. 4944 (in Russian).

Bader, O. N. 1974. *Otchet o polevykh issledovaniakh v 1974 g.*

(*Report on field research conducted in 1974*). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Fund 1, R-1, no. 5633-5633a (in Russian).

Bader, O. N. 1975. *Otchet o rabotakh Severnoi paleoliticheskoi i Okskoi ekspeditsii 1975 g. (Report on the Northern Palaeolithic and Oka expeditions in 1975)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Fund 1, R-1, no. 5452-5452a (in Russian).

Voronin, K. V. 2013. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Papers)* 9. Tver: "Triada" Publ., 329–344 (in Russian).

Gurina, N. N. 1963. In Tretyakov, P. N. (ed.). *Trudy Gorkovskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Gorky Archaeological Expedition)* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 110. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 85–203 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1947. In Grekov, B. D. (ed.). *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* IX. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 199–212 (in Russian).

Kaverzneva, E. D. 1992. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* (3), 147–159 (in Russian).

Kaverzneva, E. D., Azarov, E. S. 2020. In Ivashov, M. V. (ed.). *Arkeologicheskie issledovaniia v Centralnom Chernozem'e 2019 (Archaeological Studies in the Central Black Earth Region 2019)* Lipetsk; Voronezh: "Novyi vzglyad" Publ., 235–236 (in Russian).

Kravtsov, A. E., Azarov, E. S., Babkina, E. V., Mar'enkina, T. A., Modin, R. N. 2015. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)* 11. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 20–76 (in Russian).

Kravtsov, A. E., Azarov, E. S., Babkina, E. V., Mar'enkina, T. A., Modin, R. N. 2015. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)* 11. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 77–88 (in Russian).

Lavento, M. 2011. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Papers)* 8 (I). Tver: "Triada" Publ., 263–272 (in Russian).

Lavento, M., Patrushev, V. S. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 12 (2), 160–188 (in Russian).

Lopatina, O. A. 2020. In Derevianko, A. P., Makarov N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russia Archaeological Congress at Samara)* Vol. II. Samara: Samara State Pedagogical University, 77–79 (in Russian).

Malov, N. M. 2013. In Cherlenok, E. A. (ed.). *Problemy periodizatsii i khronologii v arkheologii epokhi rannego metalla Vostochnoy Evropy: Materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii (Issues of Periodization and Chronology in the Archaeology of the Early Metal Period of Eastern Europe: Proceedings of the Thematic Scientific Conference)*. Saint Petersburg: "Skifiya-print" Publ., 102–117 (in Russian).

Mar'enkina, T. A., Mimokhod, R. A., Zelentsova, O. V. 2023. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* (3), 38–48 (in Russian).

Popova, T. B. 1961. *Otchet o rabote arkheologicheskoi ekspeditsii Gos. Istoricheskogo muzeia v Shaturskom r-ne Moskovskoi oblasti v iiule 1961 g. (Report on the work of the archaeological expedition of the State Historical Museum in the Shatura district, Moscow region, in July 1961)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Fund 1, R-1, no. 2279 (in Russian).

Popova, T. B. 1965. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 154–167 (in Russian).

Popova, T. B. 1969. In Evtyukhova, L. A. (ed.). *Drevnosti Vostochnoi Evropy (K 70-letiiu A. P. Smirnova) (Antiquities of Eastern Europe (to the Anniversary of 70 Years from the Birth of A.P. Smirnov))*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR) 169. Moscow: "Nauka" Publ., 167–172 (in Russian).

Popova, T. B. 1974. In Mongait, A. L. (ed.). *Arkheologiya Riazanskoi zemli (Archaeology of the Ryazan Land)*. Moscow: "Nauka" Publ., 222–235 (in Russian).

Popova, T. B. 1985. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Novye materialy po istorii plemen Vostochnoy Evropy v epokhu kamnya i bronzy (New Materials on the History of East-European Tribes in the Stone and Bronze Age)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 60. Moscow: State Historical Museum Publ., 133–187 (in Russian).

Popova, T. B. 1988. In Studzitskaia, S. V. (ed.). *Nasledie V.A. Gorodtsova i problemy sovremennoi arkheologii (Heritage of V.A. Gorodtsov and the Issues of Modern Archaeology)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo

istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 68. Moscow: State Historical Museum, 101–137 (in Russian).

Syrovatko, A. S. 2007. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 6 (II). Tver: “Triada” Publ., 75–80 (in Russian).

Syrovatko, A. S. 2013. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 9. Tver: “Triada” Publ., 360–373 (in Russian).

Tret'yakov, V. P. 1975. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 142. Moscow: “Nauka” Publ., 25–30 (in Russian).

Folomeev, B. A. 1974. In Mongait, A. L. (ed.). *Arkheologiya Riazanskoi zemli (Archaeology of the Ryazan Land)*. Moscow: “Nauka” Publ., 236–252 (in Russian).

Folomeev, B. A. 1975. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 154–170 (in Russian).

Folomeev, B. A. 1983. *Otchet Oksko-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii za 1983 god (1983 report of the Oka-Don archaeological expedition)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Fund 1, R-1, no. 9663-96636 (in Russian).

Folomeev, B. A. 1998. In Chelyapov, V. P. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Srednego Pooch'ia (Archaeological Sites of Middle Oka Area)* 7. Ryazan: Science and Production Center for Protection and Management of Historical and Cultural Sites of the Ryazan Region, 79–105 (in Russian).

Folomeev, B. A. 2017. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 319–335 (in Russian).

Folomeev, B. A., Aleksandrovskiy, A. L., Glasko, M. P., Guman, A. Yu. 1988. In Studzitskaia, S. V. (ed.). *Nasledie V.A. Gorodtsova i problemy sovremennoi arkheologii (Heritage of V.A. Gorodtsov and the Issues of Modern Archaeology)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 68. Moscow: State Historical Museum, 168–191 (in Russian).

Chelyapov, V. P. 1992. *Zasechenskii kurgannyi mogilnik (Zasechensky barrow field)*. Ryazan: SPC for the Protection and Use of Historical and Cultural Monuments of the Ryazan Region (in Russian).

Chelyapov, V. P. 1992. In Chelyapov, V. P. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Srednego Pooch'ia (Archaeological Sites of Middle Oka Area)*. Ryazan: Science and Production Center for Protection and Management of Historical and Cultural Sites of the Ryazan Region, 29–34 (in Russian).

Chelyapov, V. P., Baryshev, I. B., Ivanov, D. A. 1999. In Akulshin, P. V. (ed.). *Trudy Ryazanskogo istoricheskogo obshchestva (Proceedings of the Ryazan Historical Society)* 3. Ryazan: “Uzoroch'e” Publ., 5–29 (in Russian).

Shvetsova, A. A. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 39 (1), 87–103 (in Russian).

Shvetsova, A. A. 2023a. In Rodinkova, V. E. (ed.). *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniia: istoriia VS istochnikovedenie (Recent materials and methods of archaeological research)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 61–62 (in Russian).

Shvetsova, A. A. 2023b. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* (272), 24–41 (in Russian).

Shvetsova, A. A., Azarov, E. S. 2022. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* (1), 39–52 (in Russian).

Zbrujeva, A. V. 1929. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. IV, 102–115.

About the Author:

Azarov Evgenii S. State Historical Museum. Red Square, 1, Moscow, 109012, Russian Federation; hazari4@yandex.ru

Статья поступила в журнал 24.02.2026 г.
Статья принята к публикации 10.03.2026 г.